

— Эй, господин! — позвал я, стоя в задней части магазина и глядя в изнуряющий жар кузницы.

— А? Че надобно, пацан? — спросил суровый тридцатилетний мужчина, вытирая пот и копоть с лица мокрой тряпкой, его маска валялась рядом. — Ежли ты за покупками для академии, так зайди спереди.

Я покачал головой:

— Вылетел, — Я бросил сверток, который держал подмышкой, на стол, — Не купишь?

Он еще раз шлепнул по лбу тряпкой и сделал неуклюжий шаг к перевязанному свертку. Пальцы толщиной с мои десятилетние запястья потянули за бечевку и развернули кусок потертой кожи. Кузнец издал задумчивый горловой рык, приподнимая кунай и поворачивая так, чтобы поймать утренний свет. Он с подозрением зыркнул на меня, провел пальцем по кромке, потом, высунув от натуги язык, надавил большим пальцем на лезвие, пытаясь согнуть его. Прodelав это с пятью из дюжины кунаев и равным количеством сюрикенов, он бросил последний обратно в сверток и, скрестив руки, стал разглядывать меня.

— Ну и где ты их взял? — спросил он, его голос требовал либо честности, либо достаточно правдоподобной лжи.

— Подбирал сломанные на тренировочных площадках, плюс мусор, который академия выбрасывает после обучения детей, да всякий лом, — пожав плечами, я затараторил: — Переплавил, переделал.

— Дерьмо собачье, — проворчал кузнец, делая угрожающий шаг ко мне. — Где такой сопляк нашел кузницу?

— Сам сделал, — ответил я, награжденный недоверчивым взглядом. Я закатил глаза: — Это не сложно, нужно несколько кирпичей и топливо. И убедиться, что не подожжешь себя, пока будешь это делать.

Кузнец фыркнул, потом во взгляде мелькнуло понимание, он прищелкнул пальцами.

— Точно, слышал о тебе. Тот коротышка генин из приюта принес мне кучу твоего дерьма, чтобы я присмотрел что-нибудь для дела, после того, как ты заточил их и снял усталость металла, — его взгляд потемнел. — Ты отбиваешь у меня хлеб, пацан.

Я поморщился и вздохнул:

— Об этом можешь больше не беспокоиться. Я же сказал, что вылетел из северной академии. Учителя, может, не возражали бы, если б их ученик чинил и продавал кунай и сюрикены, но другое дело, если это просто случайный ребенок из приюта, — я ткнул в сверток. — Так что продаю все, что осталось, и сваливаю.

Кузнец хмыкнул, соглашаясь, и взял сюрикен, чтобы еще раз осмотреть его, тяжело вздыхая над низкосортной сталью. Все-таки были пределы совершенству моих фальшивок. Вероятно, при необходимости я мог бы сделать что-то получше, но продажа по-настоящему высококачественной стали рано или поздно привлекла бы внимание. Теоретически, то, что я делал и продавал, можно было отнести к среднему D-рангу, но было бы самоубийством заниматься серьезными вещами за пределами деревни.

Зато я продавал их за полцены по сравнению с другими торговцами.

Я отвлекся от размышлений, когда кузнец шагнул в сторону, взмахнул рукой и, качнувшись всем телом, метнул звездочку в дерево через улицу. Звездочка вонзилась в кору с глухим чпоком, кузнец шагнул вперед и выдернул ее одним движением мускулистой руки, оценивая глубину проникновения и остроту лезвия.

— Ты самоучка? — спросил он, оглядываясь на меня через плечо.

Мгновение я колебался, затем кивнул:

— Да, я не знал своих родителей, если ты об этом.

На самом деле, это не было очевидно. Приюты принимали всех, кто не достиг зрелости и не имеет родственников. Так что родители ребенка, который неожиданно появился в магазине, вполне могли умереть год назад, успев обучить его основам торговли.

Это звучало правдоподобнее, чем знания, появившиеся в уме *ex nihilo**.

— Меня зовут Сагара Хоши, — внезапно заявил он, рассеянно поглаживая острый край сюрикена. — Как насчет такого, парень? Я беру твое барахло, а ты приходишь завтра рано утром. Я испытаю тебя и гляну, на что ты годишься. Если в первый месяц ты не облажаешься и не будешь стоять мне ни гроша, возьму в подмастерья. Убирайся в магазине, следи за складом, будь на побегушках и готовь жратву. За это можешь жить в запасной кладовке наверху.

Я моргнул, на мгновение опешив от этого предложения, и провел рукой по подбородку:

— Я смогу подрабатывать на стороне? Хочу заработать немного ре на свои нужды.

Сагара-сан поморщился, пережевывая эту мысль, и ткнул меня в грудь мясистым пальцем.

— Может, через месяц-другой я позволю тебе брать заказы академии. До тех пор ты ничего не продаешь из моего магазина без моего разрешения. Если что-то сломается, и ниндзя умрет, я попаду в черный список всех его друзей. Ясно, пацан?

Я посмотрел ему в глаза и кивнул:

— Все ясно, господин, но я не "пацан". Я Котаро. Все зовут меня Кота.

— Кота, — кивнул Сагара-сан. — Хорошо. Будь здесь ни свет ни заря и приступай к делу.

— Да, господин.

*Ex nihilo** — из ничего (лат.)

.